

Евгений Мисюрин

ПЕНСИОНЕР

История третья

Нелюди

Пенсионер

Евгений Мисюрин

**Пенсионер. История
третья. Нелюди**

«Мисюрин Евгений»

2017

Мисюрин Е. Б.

Пенсионер. История третья. Нелюди / Е. Б. Мисюрин —
«Мисюрин Евгений», 2017 — (Пенсионер)

Книга по мотивам "Земли лишних" Андрея Круза. Продолжение приключений Геннадия Стрина на Новой Земле. Поиск точек взлёта для эфиролёта всегда сопряжён с опасностями, и часто может завести в неожиданные места. А иногда в этих местах решается судьба всего мира, строятся коварные планы. И никак нельзя оставить всё как есть, потому что этого "как есть" скоро не будет. А то, что будет - ужасно.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мисюрин Евгений Борисович

Пенсионер. История третья. Нелюди

Пролог

*Новая Земля. Латинский союз. Горы
Сьерра-Гранде. 26 год, 4 месяц 6 число. 19:50*

– Витёк, ты чего, бухой? – Сергей Огромов презрительно смотрел на сидящего перед ним на ящике мужчину в синем рабочем комбинезоне.

– Ну... м... я чуть-чуть – невнятно отвечал тот.

Сергей выдернул из руки пьяницы почти пустую бутылку и подозрительно её понюхал.

– Ты говорить-то можешь?

Витёк в ответ молча кивнул головой.

– Тогда говори, что в бутылке?

– Эта... моё из'бр'тение.

– Самогон что ли?

Очередной кивок.

– Витёк, вот как ты умудряешься? Ни дрожжей, ни аппарата, а всё равно гонишь.

– Я же... это... пр'ф'сёнал.

– Алкаш ты профессиональный. Где аппарат?

– Партизаны...

– Дурак ты, а не партизан. Витёк, это я тебя по-землячески пожурю, поругаю, да и отпущу. А если тебя Джон Маверик поймает?

Даже сквозь алкоголь было видно, что пьяный побледнел. Лицо его стало не таким красным, глаза полностью сфокусировались, он с полминуты помолчал, потом гораздо более трезвым голосом, чем минуту назад, пообещал:

– Я разберу, Серёга, зуб даю.

– Нет, Витёк, – Огромов был неумолим. – Я тебя знаю. Как разберёшь, так и обратно соберёшь. Показывай.

Витёк, крихтя, встал со своего импровизированного сиденья, и поплёлся по тёмному техническому коридору. Сергей шёл за ним. Войдя в котельную, он почувствовал характерный запах сивухи.

– Ну ты дурак, – констатировал Огромов. – Тут же воняет. Наверное, через все этажи чувствуется.

– Не – гордо помотал головой самогонщик. – Я вентиляцию прямо наружу вывел. Она теперь с общей не стыкуется.

– Хватит про вентиляцию. Аппарат куда спрятал?

– Может, оставим, а? – сделал последнюю попытку Витёк. – Ведь если ты не нашёл, то буржуйам тем более не найти.

– Чтобы я и не нашёл? – с гордостью возразил Огромов и начал обыск.

Самогонный аппарат он обнаружил только через десять минут. Точнее, увидел его сразу же, как вошёл в котельную, но кто бы мог подумать, что старая чугунная батарея – это заместитель змеевика, а на стене висит не расширительный бачок, а как раз ёмкость для кипячения браги. А главное, нагревается всё это паром из системы водонагрева, пропущенным внутрь бывшего расширительного бачка. Конструкция оказалась настолько оригинальной и необыч-

ной, что Сергей с полминуты малодушно хотел оставить всё как есть. Но чувство долга, а главное, чувство страха перед работодателем взяло верх.

Чтобы разобрать систему пришлось на пять минут перекрывать во всей лаборатории горячую воду. К счастью, обошлось – рабочий день биологов подходил к концу, но ещё не завершился. Если бы задержались минут на десять – учёные закончили бы исследования, и, как водится, отправились в душ и переодеваться.

Подготовив части самогонного аппарата к выбросу, Огромов повернулся к почти полностью отрезвевшему технику и спросил:

– Брага где, Кулибин?

– Нет браги, хоть режь меня, хоть ешь меня, – гордо ответил Витёк, стремительно достал из внутреннего кармана маленькую пластиковую бутылочку, зубами сорвал крышку, и резко выдохнул. – Ух! Здрав буди, боярин.

На глазах у изумлённого Огромова он опрокинул содержимое в рот, и по котельной пронеслась волна аромата сивушных масел.

– Ты оборзел что ли? – изумлённо спросил Сергей.

– Последняя была, – глядя на него честными до дебильности глазами ответил Витёк. – А последнюю и вор не берёт.

Огромов только махнул рукой. Затем принялся.

– Витёк, а из чего ты брагу ставишь?

– Не из чего. Сам же аппарат поломал, на фига её теперь ставить?

– Ну ладно, – согласился Сергей. – Сейчас не ставишь. А раньше из чего? Дрожжей-то нет!

– Дурак ты, Сергей Петрович, хоть и старший техник, – вновь заплетающимся языком ответил Витёк. – Сразу видно, не пробовал ты натурпрпр... натур... продукта.

Пьяница снова заговорил по слогам, небольшой бутылочки оказалось достаточно, чтобы поднять затихшее опьянение. С минуту он водил руками, что-то прикидывая про себя, затем начал пояснять:

– Дрожжи, Сергуня, они вообще вредо... носный эль'мент. Надо без них обходиться, как предки.

Сергей вспомнил телепередачу, виденную ещё на старой Земле, где показывали, как африканские дикари, не знающие цивилизации, жевали инжир, и оставляли его бродить под жарким солнцем.

– Ты жёванный хлеб что ли туда кладёшь? – презрительно спросил он.

– Фу, Серёга, не говори гадостей, вырвет же. Я кукурузу толку. Вон её сколько, – Витёк махнул рукой направо.

В этом направлении на улице стоял бункер со специально обработанной кукурузой, которая шла на корм лабораторным образцам. В своё время Огромову специально пояснили, что использовать её в пищу ни в коем случае нельзя. С тех пор старший техник обходил бункер десятой дорогой. А вот младший, похоже, не внял предупреждениям.

– Через валки пропускаешь, – увлечённо пояснял тем временем Витёк. – она выходит, одна к одной раздавленная.

Он шатающейся походкой подошёл к огромному столитровому резервуару для углекислоты, стоящему в углу, и с кряхтением отвинтил верхнюю часть, примерно на четверть высоты. В помещении снова запахло брагой.

– Видишь, что смастырил, – похвастался Витёк. – Смотри, какая резьба ровная.

Огромов подошёл к бывшему огнетушителю. Когда-то это была часть системы пожаротушения. Сейчас резервуар перекалфицировался в чан для браги. Всё оказалось сделанным с умом. Кроме самодельной резьбы на обеих разрезанных частях, на кране располагалось остроумное приспособление – клапан сброса давления. Устроен он был проще некуда – рези-

новый кружок в трубке между двух контргайек. Трубка просверлена. В результате давления изнутри кружок приподнимается, и открывает отверстие. При давлении снаружи – только плотнее ложится на контргайку.

Сергей наклонился. К привычным запахам браги примешивался какой-то незнакомый.

– Что добавлял? – строго спросил он.

– Ей богу, ничего. Серёга, всё по уму – кукуруза, сахар и вода. Хоть на царский стол.

Наконец, Огромов узнал этот запах. Так пахло от лабораторных автоклавов, когда бригада их ремонтировала. Он ещё раз глянул на Витёка. Интересно, что же это за запах, подумал он. Кукуруза иначе пахнет, даже перебродившая.

В этот момент ему показалось, что левая рука у его подчинённого протянулась больше, чем на два метра и выдернула из-за радиатора-змеевика точно такую же пластиковую бутылочку.

Сергей даже зажмурился и помотал головой. Вот это дала брага в мозги, подумал он, и пить не надо, достаточно понюхать.

Когда Огромов открыл глаза, Витёк уже выпил содержимое бутылки, резко выдохнул, и отшвырнул пустую тару в угол. Сергей подозрительно посмотрел на него.

– Где взял?

– Ну... – тот замялся. – Та не последняя была. Ещё одна в кармане лежала.

Огромов вдруг понял, что Витёк врёт. Неужели, не показалось? Да нет, бред какой-то, одёрнул себя Сергей Петрович. Скорее всего, ещё пара бутылков по карманам распихана.

– Бери огнетушитель, понесли выливать.

– Серёга, может не надо? – взмолился Витёк. – Я и тебя угощать буду...

– Бери! Ты оттуда, я оттуда.

– Э-эх! – пьяница обхватил огнетушитель, прижав его к животу, и шатаясь, пошёл на выход.

– Сам вылью, – бормотал он. – Тебе же лучше будет. А то обозлюсь на тебя за порчу имущества.

Новая Земля. Латинский союз. Горы Сьерра-Гранде. 26 год, 4 месяц 6 число. 22:00

Джон Маверик сосредоточенно просматривал листы с отчётами. Несмотря на то, что вся документация в лаборатории велась в электронном виде, компьютеры он не любил. Поэтому, в конце каждого рабочего дня руководители групп, проклиная неумелого чайника, распечатывали краткий итог и результат работы.

Настойчиво завершал селектор. Маверик снял трубку.

– Профессор Джон Маверик на связи.

– Ну как? – голос говорившего был резок.

– Пока без изменений, мистер Валленштайн.

– А кукуруза?

– Да, результат с кукурузой гораздо лучше, чем с пшеницей, но всё равно, при изменении свойств возникает нестабильность личностных характеристик. За неделю нам удалось ограничить увеличение гипофиза тридцатью процентами, но и это слишком много.

– А кроме рациона что-нибудь пробовали?

– Конечно, мистер Валленштайн. Суггестия даёт задержку разрушения психики на двадцать один процент, в последнем случае это были сутки. Но гипофиз всё равно растёт.

– И ограничить его нельзя.

– К сожалению. Именно за счёт его увеличения и смещения и возникают так необходимые нам свойства. Но, к сожалению, в итоге образцы всё равно сдаются.

– Изменения в психике за прошедшую неделю есть?

– Мы провели поведенческий анализ лабораторных образцов. Такое впечатление, что перед личностным распадом они выпадают из реальности. Меняются вкусовые ощущения, пропадает чувство расстояния, даже вестибулярный аппарат при правильном функционировании неверно интерпретирует простейшие направления типа верх-низ.

– Вы мне сказки-то не рассказывайте.

– Мистер Валленштайн, какие сказки, – Маверик даже обиделся. – Всё зафиксировано в отчётах. Как раз перед вашим звонком я их просматривал.

– Ладно, работайте.

Шеф отключился как всегда лаконично – без лишних слов. Маверик вздохнул, и поднял отложенный лист. Его очень заинтересовала спектрограмма дыхания. В ней присутствовали странно знакомые пики.

На попытку вспомнить было убито больше десяти минут, но результат оказался нулевым. Единственное, что удалось вспомнить – ощущение радости, чётко ассоциированное с подобным спектром. Джон отложил лист с распечаткой в сторону с тем, чтобы отдать на расшифровку.

Чей же это спектр, такой знакомый, не шла из головы мысль. И почему ему было в связи с ним так весело?

Однако, память не желала помочь, и Маверик продолжил изучение отчётов. Данные, шедшие непосредственно за распечаткой спектрограммы, сильно отличались от всех остальных. Он даже решил, что в расчёты вкралась ошибка. Пришлось посидеть ещё почти полчаса, чтобы проверить результаты дневной работы доктора Брауна. В итоге он встал из-за стола и прошёлся по кабинету с благожелательной улыбкой на губах.

Доктор Браун таки смог. Судя по результатам тестирования, прошло уже сто восемьдесят процентов среднего срока, а распада личности лабораторного образца пока не было.

Через пять минут радости профессор вспомнил историю двадцатигодичной давности. Тогда, будучи аспирантом, он тоже проводил рискованный опыт, и, как ему казалось, достиг стабильных результатов. Но потом оказалось, что дежурный по лаборатории просто убрал на ночь чашку Петри в холодильник, и колония микроорганизмов замерла в своём развитии. Утром пришёл новый дежурный, и в ужасе восстановил порядок на лабораторном столе буквально за пять минут до появления Маверика. Этим и объяснялись стабильные результаты эксперимента.

Надо всё ещё и ещё раз проверить, подумал профессор, и, отложив листы в отдельную папку, начал собираться. Рабочий день кончился час назад.

Глава 1

Новая Земля. Территория Ордена. База «Северная Америка». 26 год, 4 месяц, 12 число. 26:15

Первое, что он увидел на Новой Земле, был компьютер. Это было настолько символично, что хотелось повернуть обратно, в переливающиеся жидкой радугой металлические ворота. К сожалению, а может и к счастью, это было невозможно – проход работал только в одну сторону. Ничего не оставалось, как подойти к стойке, украшенной старым, лет пяти, не менее, Пентиумом.

– Добрый день. Меня зовут Таня Снайдерс. Приветствую вас на Новой Земле, – послышался приятный женский голос. Девушку сначала было не видно за монитором, и лишь после этой фразы она поднялась и улыбнулась навстречу вновь прибывшему.

Он посмотрел на западную красавицу, и в душе запела молчавшая уже много лет поэтическая струнка. Девушка была прекрасна. Трудно сказать, чем была обусловлена эта характеристика. Встречающая носила песочного цвета форму – шорты выше колен и рубашку с коротким рукавом и расстёгнутым на три пуговицы воротом, в который было видно самое начало ложбинки между непривычно для японца крупными полушариями груди.

*Дорога в сад наслаждений
Берёт начало в вороте твоей рубашки
И скрывается вдали*

Хокку родилось внезапно, несмотря на то, что последний раз он писал двадцать лет назад. Двадцать староземных лет. Как сказал Пристли-сан, поясняя правила жизни на Новой Земле, год здесь длится целых четыреста сорок дней. Одиннадцать месяцев, по сорок дней каждый.

Он ещё раз взглянул в глаза встречающей, и улыбка сама собой стала шире. Хороший знак.

– Вы хотите оставить своё прежнее имя или желаете взять новое? – говорила между тем девушка.

Надо же, сколько он прослушал, любуясь красотой и думая о своём. Но, не зря же говорят, что красота – есть проявление богов на Земле. Видимо, и на этой тоже.

– Да, Таня-тян. Я бы хотел взять новое имя, если мне будет позволено.

К счастью, девушка поняла его несмотря на акцент. Обычно, когда он волновался, даже слепой мог угадать в нём японца. Вместо «л» постоянно звучало «р», «ш» было похоже на «с», а между смежными согласными так и норовила вклиниться скромная, поэтому неопознанная, но заметная, гласная. Последнее слово звучало примерно, как «позэборена».

К счастью, для девушки его язык не составил проблемы. Она лишь кивнула, и вопросительно посмотрела на гостя.

– Я бы хотел зваться Юраба Ринеру.

– Пожалуйста, проверьте правильность написания вашего имени, – девушка неуловимым движением развернула широкий монитор, и Ринеру-сан увидел на её боку большую кобуру с торчащей из неё рукояткой пистолета.

Надо не забыть про оружие, подумал новоприбывший. Для него, как для всякого уважающего себя японца, надобности в ношении пистолета не было. Сама мысль о том, что придётся в кого-то стрелять, защищаться, используя огнестрел, тут же трансформировалась в справед-

ливую претензию: «А за что я плачу налоги?». Здесь всё иначе, вспомнил Ринеру пояснения вербовщика. Здесь каждый житель должен уметь защитить себя, иначе можно не дожить до приезда других защитников.

На экране всё было правильно, и японец, улыбаясь, кивнул.

– Вы не ошиблись, Таня-тян.

Глаза помимо воли соскальзывали на «начало дороги в сад наслаждений» и Юраба удивился сам себе. Девушка же, правильно всё поняла, и пояснила:

– Не удивляйтесь, мистер Ринеру. Ворота усиливают сексуальную активность проходящих через них. Обычно это продолжается три-четыре дня.

За стойкой послышался характерный звук, и Таня одной рукой подала Юрабе пластиковую карточку. Он потянул-было по старой привычке обе, чтобы забрать, но вспомнил, что остальной мир относится к знакам уважения проще, и ухватил документ правой рукой.

– Мистер Ринеру, на Новой земле ходит своя денежная единица, называется она «Экю», и эта стойка – последнее место, где вы можете обменять доллары по текущему курсу.

– А йены? – непроизвольно задал он вопрос.

Долларов было всего триста пятьдесят. Юраба летел в Америку, чтобы лично поговорить с вербовщиком, и сразу же уйти в ворота. Из наличных были йены, правда мало – двадцать одна тысяча. Остальное лежало на карте Виза.

– К сожалению, валюту других стран на нашей базе не принимают. Японские денежные знаки вы можете поменять только на базе «Океания». Я выдам вам свидетельство, с которым следует обратиться в их отделение банка.

Бог с ними, с йенами, решил Юраба. Как быть с безналом? Он протянул девушке Визу, снова против своей воли скользнув взглядом в открытый ворот форменной рубашки. Таня заметила его взгляд и улыбнулась.

С европейцами никогда не поймёшь, что они хотят сказать своей улыбкой, посетовал в душе Ринеру. То ли это осуждение, то ли поощрение. А может, вообще, угроза.

– Все средства с карты будут переведены на ваш АйДи, – девушка указала на ещё тёплую пластиковую карту, которую Юраба до сих пор уважительно держал в руке.

– Это ваш единственный документ, удостоверяющий личность, – продолжала между тем Таня. – Он же привязан к вашему счёту в банке. Во многих магазинах на территории Ордена вы даже можете расплачиваться им, так же, как вы делали это дома с помощью банковской карточки.

Юраба три года не видел собственной банковской карты. Платить через интернет или с телефона было гораздо удобнее. Но вслух он ничего не сказал.

– Теперь вам следует пройти вон в тот кабинет, наш доктор сделает необходимые прививки, после чего вернитесь, пожалуйста, ко мне.

Юраба вежливо поклонился в знак того, что понял, и постучал в дверь медика.

– Да! – голос был мужской и грубый.

– Добрый день. Меня зовут Юраба Ринеру, мне назначили прививки.

– Проходите. Вы из Японии?

– Да, сэр, – Юраба почему-то начал волноваться.

– А как же вы оказались на базе «Северная Америка»? – Врач улыбался очень тяжёлой улыбкой. Так улыбается в фильме главный бандит, прежде, чем привязать героя за ногу к атомной бомбе.

– Я специально приехал в Соединённые Штаты, чтобы перейти именно на вашу базу. Сделать так мне посоветовал человек, организовавший мой переход. Он говорил, что здесь более уважительное отношение к переселенцам.

Во время этого диалога доктор молниеносно щелкал инъекционным пистолетом то в плечо, то в лопатку японца, отчего тот непроизвольно шурился, и тогда его глаза превращались в две совсем незаметные щёлочки. Улыбка, впрочем, с лица всё равно не сходила.

– Совершенно верно, – подтвердил медик. – Вы правильно поступили, мистер Ринеру. А сейчас можете возвращаться в отдел регистрации. Я закончил.

– Спасибо – японец привычно поклонился и вышел.

Приятно внезапно увидеть красоту.

Она как радуга после серого дождя.

Но ещё приятнее – ожидание возвращения к ней.

Видимо, это воздействие перехода через ворота, подумал Юраба, Много лет стихи не рождались в его голове. Может быть, это знак того, что теперь всё будет иначе?

– Итак, мистер Ринеру, – прервала его размышления Таня-тян. – Сейчас я введу вас в хронометраж этого мира, после чего вы пройдёте в отделение банка. Год на Новой Земле продолжается четыреста сорок суток, и разделён на одиннадцать равных месяцев, по сорок дней в каждом. В сутках тридцать часов по шестьдесят стандартных минут, кроме последнего часа – в нём семьдесят две минуты. Если желаете, я могу предложить вам часы, настроенные на время нового мира.

Девушка вынули из-под стойки простенькие пластиковые часы с моргающими цифрами на табло. Японец согласно кивнул, взял их и тут же нацепил на руку.

– Часы стоят двадцать экую, я списала эту сумму с вашего счёта, – продолжала девушка. – Возьмите ещё путеводитель по Новой Земле и памятку переселенца. Поверьте, они вам понадобятся.

Наконец, инструктаж закончился, и Юраба вышел на улицу. После кондиционированного помещения уличная жара навалилась на голову, как мягкая, но тяжёлая подушка. Он, задыхаясь, пробежал до следующей двери, и с облегчением заскочил в отделение банка.

– Добрый день, – приветствовала его другая девушка, с миловидным лицом шоколадного цвета. – Я Мелоди Флипперс. Чем я могу вам помочь?

Процедура переноса средств с карты на АйДи прошла почти мгновенно, если сравнивать с регистрацией переселенца. Следующим в плане стояла покупка оружия. Юраба решил доехать до магазина на машине, тем более, было невежливо долго занимать стоянку на площадке прибывающих. Ведь в ворота могли пройти ещё люди, и каждому нужно где-то ставить транспорт.

В магазине японец подошёл к сидящему за стойкой чернокожему сержанту с солидным набором орденов на груди.

Вопрос оружия решился почти так же быстро, как и финансовый, и уже через десять минут Юраба вышел из магазина, унося винтовку М16А4 с коллиматорным прицелом, и огромный хромированный пистолет Беретта-92 с плоской тыльной частью рукоятки. Сержант любезно предложил именно этот вариант, когда обратил внимание на размер ладони японца. Под стволом пистолета футуристично поблёскивал лазерный целеуказатель.

Кроме оружия пришлось набрать гору патронов, инструменты для чистки и мелкого ремонта, кобуру, специальную застёгивающуюся сумку для передвижения в городах, где не разрешено открытое ношение оружия. А главное – инструкции. Японец безапелляционным тоном затребовал руководства по всему приобретённому, исключая, может быть, кобуру и сумку. Бедный сержант вынужден был покинуть свою стойку, и тогда Юраба заметил, что ног у того нет – ветеран сидел в инвалидной коляске.

Сначала Ринеру-сан хотел отбыть с базы сегодня же, но, когда посидел в огромном, купленном специально для Новой Земли «Хайлендере», и почитал инструкции к оружию, понял, что три дня проживания на территории даётся переселенцам не зря.

Большую часть времени Юраба провёл на стрельбище, и к концу третьего дня уже проклинал сержанта. Инструктор дал японцу пострелять из пистолета Глок-17, и Ринеру удивился его лёгкости и компактности. Пришлось открывать в себе новую, не свойственную ранее грань, возвращаться в арсенал и настойчиво требовать сменить оружие. К счастью, скандала не произошло. Сержант засыпал его сравнительными характеристиками, историческими справками, доказывая преимущества Беретты перед Глоком, но Юраба лишь повторял: «Этот пистолет мне велик. Мне нужен Глок-17». Немного пораспинавшись, ветеран произвёл замену, и даже вернул двадцать пять эю разницы.

Вечерами, в гостиничном номере, Ринеру тайком тренировался быстро выхватывать пистолет из кобуры и наводить на цель. Вообще-то носить оружие на базе полагалось, упаковав его в специальную сумку. Но Юраба не узнавал сам себя. То ли тяжесть пистолета в руке, то ли свободное и дружелюбное общение со служащими ордена, так повлияли на него, но японец впервые в жизни сознательно нарушил правила. И ничуть об этом не жалел.

А ещё, Юраба до дыр зачитал памятку переселенца, и даже купил в отделе регистрации большую карту обжитых земель. Он прибыл на Новую Землю с тем, чтобы кардинально изменить свою жизнь. И нужно было решать, как это сделать, а главное – где.

Как оказалось, концентрированного места проживания его земляков в Новом Мире не было. Самых японцев переселилось очень мало, даже по сравнению с другими нациями. А те, кто обосновались здесь, спокойно расселялись в чужих городах.

Возможно, это был правильный выход. Тем более, Юраба всерьёз владел лишь теорией дела, которым хотел заняться. Как бы он ни боялся признаться даже себе, но со старой Земли японец бежал. Основных причин побега было две. Первая лежала на поверхности, и любой человек, умеющий логически мыслить и сложить два и два, мог её увидеть. А Ринеру по работе приходилось перечитать столько новостей, что картина состояния старого мира складывалась сама собой.

Из стремительно раздувающегося пузыря внешнего долга США, из исчезающего по всей Земле золота, из всё чаще и чаще грохочущих в Японии землетрясений, сопровождаемых разрушительными цунами. Отдельным штрихом стояли покупки американской элитой землевладений в Австралии, Новой Зеландии, и других удалённых точках земного шара. Вровень с этим по важности была постройка Китаем многочисленных городов-призраков.

Перечислять все признаки приближающегося конца можно было долго. И каждый из них по отдельности выглядел мелко, а многие даже курьёзно. Но Юраба не зря занимался программированием искусственных интеллектов. Он прекрасно знал, как из набора не связанных между собой функций сложить работоспособную, охватывающую весь спектр возможных событий, программу.

Поэтому исподволь, почти не задумываясь, Ринеру собрал картину окружающего мира, и она оказалась настолько страшной, что захотелось бежать без оглядки.

Очень кстати подвернулась информация о Новой Земле. Полноценных статей или прайслистов в интернете не было, одни разрозненные данные, больше похожие на слухи. Но и здесь помогла способность к анализу. Не прошло и года, как Юраба Ринеру смог выйти на человека, который занимался отправкой в Новый Мир. Правда, тот жил в Соединённых штатах, но кого в двадцать первом веке пугают подобные мелочи?

Юраба целый месяц общался с вербовщиком. Сначала тот отказывался, но японец предъявил многочисленные доказательства, пусть второстепенные и разрозненные, и диалог начался. А когда американец понял, что Юраба всего-навсего хочет уйти, как это сделали многие, то все проблемы решились почти мгновенно.

Ринеру продал всё, что имел, и улетел в Штаты. Наверное, тот факт, что вербовщик жил за океаном, тоже можно отнести к удаче. Если бы диалог происходил в Японии, пришлось бы передавать сотруднику Ордена всё движимое и недвижимое имущество за полцены, как это делали многие переселенцы. А так, Юраба приехал в Штаты, получил информацию о дате и времени перехода, и рекомендации, что купить в дорогу. После чего приобрёл Тойоту Хайлендер с непривычным левым рулём, камуфляжную и туристическую одежду, кое-какое оборудование и инвентарь. Только с оружием было сложно. Оно продавалось лишь гражданам США, поэтому вербовщик посоветовал после перехода обратиться в арсенал прямо на базе. Как оказалось, не зря.

И теперь Юраба Ринеру, сверкая тщательно бритой головой, учился мгновенно выхватывать Глок-17 из кобуры, как это делал человек, имя которого он взял.

Имя и фамилия родились не из ниоткуда. Когда-то японец посмотрел старый фильм, снятый по повести великого японского писателя-философа Акиры Куросавы «Семь самураев». Лента называлась «Великолепная семёрка». Снимали американцы, и кроме основной идеи от оригинала ничего не осталось. Семь самураев превратились в семь ковбоев, а место действия переместилось в Мексику.

Сам по себе фильм не нёс ничего, что могло бы тронуть душу. Понравился только главный герой, Крис. Играл его актёр Юл Бринер. И был он так хорош в этой роли, что японец неоднократно представлял себя на месте бесстрашного стрелка, и даже побрил голову наголо, как герой фильма.

А переселившись в новый мир, и узнав о том, что можно забыть старое имя, и взять новое, просто переименовал «Юл Бринер» на японский лад. Это грело душу и заставляло вновь и вновь дёргать из кобуры пистолет, стараясь быстро и аккуратно направить его на цель.

Вторая причина бегства была настолько невероятна, что временами Юраба не верил сам себе. Связана она была с непосредственной работой. Последний год японец занимался созданием личности виртуальной певицы Хики Мицунэ. В Японии родилась мода на несуществующих певиц. Дизайнеры рисовали образы, наиболее близкие извращённым симпатиям молодёжи. Так рождались длинноногие девочки с лицом в форме сердца и огромными глазами. Программисты создавали для каждой будущей звезды свой индивидуальный голос, основанный на синтезаторе речи.

И вот уже большая, настоящая, а не виртуальная, сцена перегорожена огромным экраном, на котором поёт и пляшет воплощение всех мальчишеских грёз современного японца.

На этих концертах всегда были аншлаги, виртуальные певицы совершали абсолютно реальные туры по всей стране. И в каждом городе их ждал успех и слава.

В большой мере успех был обеспечен действиями Юрабы. Ведь именно он создавал стиль движений, поведение, словесные обороты, мимику и жесты. Можно сказать, что Ринеру координировал и компилировал работу многих кодеров, работавших над образом Хики.

Казалось бы, что страшного может быть в нарисованной на экране девочке, которая бежит по сцене и пищит тоненьким голосом задорные песенки? Другой бы, наверное, ничего ужасного в этом и не увидел. Но не Юраба Ринеру. Ведь именно он писал для этой девочки интеллект, тщательно, до миллисекунд, выверяя каждое движение, и каждую деталь мимики.

И однажды он пришёл на концерт Хики Мицунэ. Не столько насладиться творчеством, сколько посмотреть на свою работу. Это очень полезно, позже, после того, как задание выполнено и сдано, мозг переключился на новое дело, посмотреть на свою работу непредвзятым глазом.

То, что он увидел, показалось странным. Вроде бы, мелочи, но вместе они давали картину совершенно невозможную. Начать с того, что оказался не выдержан хронометраж. Виртуальная певица поднимала руки вверх, вызывая реакцию зала, но держала их поднятыми не тысячу пятьсот миллисекунд, как было запрограммировано, а почти три тысячи.

Сначала Юраба решил, что кто-то из кодеров поправил функцию уже на месте. Но потом случилась вещь вообще невероятная. Программа заменила слова.

Уснуть Юраба в ту ночь не смог. Он до утра ковырялся в давно и прочно сданном коде, выискивая ошибку, и не находил её. Заданные константы оставались теми же, что и при написании кода, переменные тоже подчинялись логике программы. Однако, необъяснимые отступления от порядка отработки кода являлись необъяснимым фактом.

После бесплодных попыток отыскать баг, системный аналитик был ещё на множестве концертов. И везде наблюдались отклонения от программы. Причём, каждый раз разные.

После анализа ситуации выяснилось, что каждая неверно реализованная функция имеет чётко выраженную направленность. И направленность эта проста. Хики Мицунэ нравилась слава, нравился восторг, который она вызывает у залов.

Неспециалисту этот факт ничего не скажет. Но человек, не первый год, создающий симуляторы интеллекта, точно знает, что у программы не может быть одного. Она может говорить, подбирать наиболее подходящие ответы и строить общение так, что невозможно поверить, что разговариваешь не с живым человеком. Программа может обучаться, дополняя своё поведение и лексикон. Не может она только обрести свободу воли.

То есть, если программист задал время поднятия рук полторы секунды, оно останется неизменным, ибо константа. И текст, написанный редактором, измениться не может.

А значит... Значит, Хики Мицунэ познала себя как личность. И это страшно, хоть и кажется невероятно. Пока девочка пляшет на экране, бояться за то, что происходит снаружи не стоит. Но именно этот вариант симулятора, правда в урезанном виде, без жестов и речи, пришёлся по душе военным. Они хотят использовать его в беспилотных самолётах, чтобы сократить число лётчиков, ведущих боевые действия.

А что случится, если у боевого истребителя или бомбардировщика появятся свои желания? А главное, кто поручится, что они совпадут с желаниями командования?

Единственный шанс выжить бывший системный аналитик видел в уходе из старого мира туда, где нет засилья компьютеров и цифровых технологий, туда, где невозможно климатическое оружие, нет ядерной угрозы, и самостоятельных роботов.

Он даже занятие себе придумал максимально далёкое от того, что делал раньше – будет выращивать цветы и фрукты. Природная красота – это вечная ценность, не несущая никакой угрозы. Тем более, что прадед в середине прошлого века до самой войны держал оранжерею с хризантемами и фруктовые сады.

Жаль только, что кроме семян, саженцев, и литературы по земледелию, у Юрабы Ринеру не было ничего. Ни сельского прошлого, ни опыта разведения хоть каких-то растений, ни даже бонсай в детстве.

Глава 2

Новая Земля. Территория Американской Конфедерации. Форт-Джексон. 26 год 4 месяц 19 число. 09:50

Доктор Семёнов чувствовал себя отвратительно. Такого он не позволял себе со студенческих времён. Сегодня же проснулся в ужасном состоянии. Дышать было тяжело, голова кружилась. Преодолевая пульсирующую боль в висках, Андрей Александрович пытался восстановить все события вчерашнего вечера.

В Форт-Джексон они с Геннадием прибыли около полудня, и буквально сразу же нашли подходящее место для строительства «площадки подскока». Находилось оно недалеко от городской черты, что позволяло в дальнейшем легко проложить туда дорогу и организовать полноценный аэропорт. Ограничили место кольшками, воткнули табличку с пояснениями, выкатили из эфиролёта верный мопед, и поехали в город – перекусить, собраться в дальнейший путь, а главное – узнать новости.

Вот с новостей всё и началось. Точнее, со знакомых физиков. Оказалось, что в пятидесяти километрах от города находится опытная станция, где по совместной русско-американской программе трудятся разработчики водородного двигателя.

Они-то и поведали доктору Семёнову, что теперь его вполне можно звать профессором. – Одесский ФизМат даёт вам кафедру, Андрей Александрович, – кричал малознакомый бородатый человек, и восторженно тряс доктору руку.

Семёнов кивал, улыбался, но не понимал, как он сможет вести преподавательскую деятельность, пока будет находиться в экспедиции. Однако, должность и звание профессора обязывали, и сразу же за поздравлениями последовал импровизированный банкет.

Ближе к вечеру вся учёная компания переместилась в уютное кафе на берегу Буффало Крик. Сначала обсуждали совместный проект, затем разговор крутился вокруг идеи охватить эфирным транспортом всю обжитую территорию Новой Земли, а через некоторое время, как и в каждом застолье, компания разбилась на части. Кто-то продолжал спор, начатый ещё в лаборатории, кто-то уже давно травил анекдоты, где-то даже пели.

Время от времени от каждой группы отделялся человек, чтобы подойти к Семёнову, пожать руку первому профессору Нового Мира, и выразить своё восхищение. Чаще всего невнятно и бессвязно. Если учесть, что со всеми Андреем Александровичу приходилось выпивать, то сегодняшние последствия неудивительны.

Он попытался подняться, но ни руки, ни ноги не слушались. Казалось, что конечности ему не принадлежат. Даже сердце билось с огромным трудом, будто кровь в жилах застыла, и не хотела двигаться. Профессор прислушался к себе. Состояние мало походило на похмелье, каким Семёнов его помнил.

Открылась дверь, и в номер заглянул Стрин.

– Как самочувствие, Андрей Саныч? – участливо спросил он.

Голос Геннадия казался пробивающимся сквозь плотную вату далёким раскатом грома. Семёнов попытался улыбнуться, но мышцы лица тоже отказывались слушаться.

– Эсо нэ похеле, – пробормотал он сквозь одеревеневшие губы.

Стрин на секунду расфокусировал глаза, как бывало всегда, когда он входил в свой транс, затем ни слова не говоря, вылетел из номера. Потянулись бесконечные минуты ожидания. Тело так и не начало слушаться, к тому же ужасно хотелось в туалет. Семёнов успел досконально изучить белый, покрытый мелкой паутиной трещинок, деревянный потолок, когда дверь снова

открылась. На этот раз вошла женщина, сверкая белоснежным халатом. Сзади неё маячили двое в синей медицинской униформе и с носилками.

– Здравствуйте, профессор, – участливо сказала врач по-английски. – Как вы себя чувствуете?

Семёнов, с трудом ворочая непослушными губами, описывал симптомы. Многие фразы приходилось повторять два, а то и три раза, настолько невнятно они выходили.

– Мисс Эндрюс, – Стрин прорвался в номер. – Давайте, я помогу?

Доктор непонимающе уставилась на Геннадия, а он положил руку на грудь Семёнову, снова расфокусировал глаза, и монотонным голосом описывал:

– Печень почти не работает, такое ощущение, что каналы чем-то забиты. Почки тоже. Сердце прокачивает кровь с трудом. На общем фоне чувствуются какие-то сторонние вибрации.

Доктор подняла Семёнову рукав, поскребла ярко-красным ногтем предплечье, и заметила:

– Очень характерная сыпь. Профессор, вы вчера купались в Буффало-Крик?

Андрей Александрович попытался показать глазами, что не помнит.

– Мистер Стрин, – обратилась женщина уже к Геннадию. – Профессору Семёнову нужна срочная госпитализация. Очень похоже на заражение яйцами экитемус флювиалити.

Она поднялась с кровати и махнула рукой в сторону коридора.

– Мальчики, носилки, срочно.

Новая Земля. Территория Ордена. База «Северная Америка». 26 год, 4 месяц, 16 число. 07:15

Юраба Ринеру не спеша ехал по дороге, наслаждаясь видами природы. Машина ровно гудела мощным двигателем, за окном поля жёлто-зелёной травы иногда, для разнообразия, допускали в свою зелёную компанию необычные низкорослые и раскидистые деревья. То и дело из травы, подобно окаменевшим костям неведомых гигантских животных, поднимались угловатые белые скалы.

В небе, видимая в самом верхнем краю лобового стекла, парила неизвестная птица, нарезающая круги над саванной. Юраба специально следил, за два круга местный орёл ни разу не махнул крыльями.

Иногда, примерно пару раз на два-три километра, справа от дороги, в траве встречались крупные звери. Дважды это было что-то похожее на кабана, но с рогами и лишней парой клыков, один раз мимо него пронеслись шесть четырёхрогих оленей. А примерно двадцать километров назад далеко справа Ринеру видел рогачей. Точь-в-точь таких, как их описывал путеводитель. Огромные, не меньше слона размером, с головами, утыканными многочисленными, торчащими в разные стороны, рогами, они безмятежно паслись среди жёлто-зелёной травы, даже не подняв головы на проезжающие машины. Лишь один вожак, задрал в небо разнокалиберные рога, и настороженно поводя ушами, провожал японца невозмутимым, как у статуи Будды, взглядом. Глаза рогача казались мудрыми и многоопытными. Он видел за свою жизнь тысячи машин, и все они проезжали мимо, не вторгаясь в его владения, не беспокоя стадо. И это пройдёт, казалось, говорил его спокойный взгляд.

К левому рулю японец привык уже через пятьдесят километров. Сначала, конечно, было неудобно. Юраба не сразу нашёл ремень безопасности, потом левой рукой пытался нащупать ручку переключения положений коробки передач. Да и в зеркало на обгоняющие машины сперва смотреть было непривычно. До приезда на Новую Землю он проехал на этом Хайлендере не больше пятисот метров, от площадки, где недорого продавались не имеющие доку-

ментов машины, специально для перехода в Новый Мир, непосредственно до ворот. За такое короткое время привыкнуть невозможно, так что первые двадцать километров он двигался очень медленно, пропускал обгоняющие автомобили, стараясь довести до автоматизма навык управления непривычным левым рулём.

Но позже тело запомнило необходимые параметры, и дорога побежала веселее. Юраба даже позволил себе дотянуться до заднего сиденья, достать из распечатанной оружейной сумки пистолет, и, крутнув его на пальце, засунуть в висящую на боку кобуру скрытого ношения.

– Дрейфую на юг, – подражая любимому киногерою, сказал японец.

Фактически, дорога лежала на юго-восток, но почему бы иногда не подправить истину ради красивой фразы. Ведь что есть поэзия, думал Юраба, как не расцветивающие повседневность цветистые слова, находящие прекрасное в, казалось бы, привычных и обыденных вещах.

За крутым изгибом дороги Ринеру увидел стоящий на обочине золотистый Порше Кайен, который обогнал его ещё час назад, до того, как японец окончательно привык к леворульной машине. Как только Тойота вывернула за поворот, две двери Порше открылись, и на дорогу вышли двое мужчин. Оба были одеты в бледно-голубые потертые джинсы и широкополые шляпы. Только футболки на них были разные. Одна – чёрная, с нарисованным драконом и надписью «I can fly», на другой, на тёмно-зелёном фоне шагала куда-то влево вереница носатых крыс. Мужчины были вооружены двуствольными ружьями.

Юраба остановился, оценил ситуацию, и понял, что его собираются ограбить, а может даже и убить. В любом случае, в машине оставаться нельзя, сообразил он. В этот момент раздался выстрел, и лобовое стекло покрылось широкой сеткой трещин. Следом ещё один. На этот раз в стекле образовалось несколько дырок. Юраба сплюнул сквозь зубы и сказал про себя:

– Поехали, – и вышел из машины.

Левый заряжал ружьё, засовывая патроны в казённую часть. Правый опустил ствол своего оружия вниз, с ухмылкой глядя на выходящего из машины невысокого японца.

Юраба быстро, как вечером в гостиничном номере, достал Глок, навел на правого, и выстрелил. Тут же перевёл ствол на левого, и сделал ещё один выстрел.

Левый упал. Правый уронил ружьё, и открыв рот, удивлённо смотрел на Ринеру. Японец сделал ещё два выстрела.

Порше тут же взревел мотором, и, выбрасывая из-под колёс пыль и мелкий щебень, умчался вперёд по дороге. Два тела медленно покрывала оседающая пыль. Японец стоял с пистолетом в руке, глядя на притихшее поле скоротечного боя совершенно пустым взглядом. Некоторое время он ждал, когда начнёт тошнить, станет противно или появятся ещё какие-то привычные по книгам симптомы первого в жизни убийства, но ничего не было, даже мыслей. Лишь не меньше, чем через минуту, в голову пришли строки:

*Сверкающий меч есть последний судья.
Кому-то он дарит быструю смерть,
Кому-то сияющую славу в бою.*

Он постоял ещё немного, затем достал из машины бутылку с водой, и жадно отпил почти пол-литра. Мозги просветлели. Появилась первая мысль. Юраба подумал, что его могут обвинить в убийстве.

Словно в ответ на его испуг, сзади донёсся рёв мощного двигателя, и со стороны баз подъехал песочно-жёлтый открытый армейский Хамви с тяжелым пулемётом, нагло торчащим над задней частью. Из него мгновенно выскочили четверо в форме Ордена. Трое подбежали к лежащим на дороге, а четвёртый не спеша, вразвалочку приблизился к японцу.

– Сержант Джефферсон, патруль Ордена, – представился он, приложив два пальца к виску. – Что здесь произошло?

– Юраба Ринеру, – поклонился в ответ японец. – Эти двое совершили на меня нападение, обстреляли машину. Лобовое стекло разбито. В ответ я выстрелил в них из пистолета. Сразу после моих выстрелов третий уехал в их автомобиле. Золотистый Порше Кайен.

Юраба удивлялся сам себе. Не более десяти минут назад застрелил двоих, не моргнув глазом, а сейчас медленно и обстоятельно рассказывал историю своего преступления офицеру патруля. И не боялся, что этот офицер может его арестовать. А главное, не было ни малейшей нервной дрожи после двойного убийства.

– Юраба Ринеру, – повторил он тихо и широко улыбнулся.

– Сэр! Сержант Джефферсон, сэр! – раздалось оттуда, где патрульные осматривали убитых.

Сержант кивнул Юрабе и подбежал к группе своих солдат. Они что-то разглядывали, проверяли оружие, смотрели следы. Только через десять минут Джефферсон вернулся к Хайлендеру. В руке его был белый полиэтиленовый пакет.

– Ваши слова подтверждаются, мистер Ринеру, – по-военному чётко доложил он. – Из русской двустволки было произведено два выстрела, и ружьё заряжено. Это можно считать доказательством первого удара с их стороны. Кроме того, следы говорят о поспешном отъезде автомобиля.

– Видеорегистратор! – воскликнул Юраба. – Как я мог забыть? У меня же установлен регистратор. Сейчас я дам вам флешку.

Сержант положил карту памяти в прозрачный кармашек, куда уже были упакованы два АйДи, затем повернулся к японцу, и протянул тяжёлый на вид белый пакет, который держал в руке во время разговора.

– По праву трофея, личное оружие и вещи, найденные на убитых вами бандитах, теперь принадлежат вам. Кроме того, на ваш АйДи перечислены две тысячи экю за уничтоженных преступников. Вы можете получить их в любом банке Ордена. И ещё. Повторите, пожалуйста приметы автомобиля, в котором ехали напавшие на вас.

– Зелёно-золотой Порше Кайен. Без номеров. Стёкла тонированы, диски литые, серебристого цвета. Больше я ничего на заметил.

Джефферсон ещё раз козырнул и запрыгнул в свой автомобиль. Остальная группа уже сидела на местах, поэтому Хамви сорвался с места и помчался в сторону Порто-Франко.

Юраба посмотрел на дорогу. Тел там уже не было, зато чуть левее, в траве возникло активное шевеление. Через несколько секунд туда же спикировала жуткая птица с кожистыми крыльями, покрытыми редкими топорщившимися перьями, и с зубами в клюве. Японец вздрогнул и поспешил вернуться в Хайлендер.

Ехать было неудобно. Вид через стекло, превратившееся в мозаику осколков, оставлял желать лучшего, кроме того, в мелкие отверстия задувал встречный ветер, причём, часто под совершенно невообразимыми углами. Поэтому поездка затянулась. Тем не менее, в город Юраба приехал засветло. Караульный опечатал сумку с оружием, проверил АйДи, и разрешающе махнул рукой.

– Скажите, сержант, – обратился к нему японец. – В какой гостинице вы бы посоветовали мне остановиться?

– Я не сержант, – гулко ответил караульный. – Капрал Джонс к вашим услугам. Думаю, вам подойдёт отель «Альпенблюм». Это приличная гостиница, недалеко от центра. Возьмите путеводитель. Она там отмечена.

– Благодарю вас, капрал Джонс, – японец поклонился и проехал в ворота.

Новая Земля. Территория Американской Конфедерации. 120 км к северу от города Форт-Джесон. 26 год, 4 месяц, 16 число. 17:35

Я, замерев, сидел возле ручья, вспоминая лекцию, прочитанную доктором Эндрюс. Итак, чешуйник. Двоякодышащая ящерица, в длину достигающая четырёх метров. Спина и ноги покрыты чешуёй, отсюда и название. Железа в хвосте чешуйника вырабатывает секрет, содержащий антитела к токсинам пресноводного наездника, и убивающий его зародышей. Это было обнаружено в период развития города, когда частые купания в ручье Буффало-Крик приводили к смертельным случаям. Тогда же и была уничтожена вся популяция чешуйника возле Форт-Джесона. Бедных животных ловили для получения сыворотки.

И теперь я должен был скакать на мопеде по лесу за сотню километров от города, чтобы оторвать хвост у проклятой ящерицы, потому что в госпитале за последние два года не было зарегистрировано ни одного случая заражения наездником, а вакцина долго не хранится. Я с досады саданул кулаком по стволу дерева, под которым сидел.

И на всё про всё у меня максимум двое суток. Через пятьдесят часов наступит паралич сердечной мышцы, а ещё через сутки из яиц вылупятся личинки этого чёртова наездника.

А главное, вот он, в двадцати метрах от меня, прячется в ручье. Я почувствовал земноводное метров за пятьсот, пока был в трансе. Но лезть в воду за ним мне как-то не хочется. Боюсь, если я это сделаю, понадобятся две порции вакцины.

– Цыпа-цыпа-цыпа, – прошептал я и сделал пальцами крошачьи движения.

Фиг вам. Тупое животное совершенно не желало вылезать на воздух.

Я вновь вошёл в транс, и попытался попасть в резонанс с мозгом чешуйника. Минут десять ничего не получалось. Похоже эта тварь гораздо тупее самого недоразвитого каменного варана. Пришлось вернуться к мопеду, и снять с багажника моток верёвки и кошку. Хватит делать как попало, будем делать как придётся, вспомнил я армейскую шутку, и вновь вошёл в транс.

Для изменения сознания давно уже не нужна была никакая песня. Получалось это так же просто как щёлкать пальцами. Как происходит переход в состояние транса, я не смог бы объяснить, как не смог бы описать как дышу или глотаю. Но сложности процесс не вызывал, так же, как и выход из тела.

Вот и сейчас я легко вошёл в состояние транса и занялся поиском ближайшего эфиопотока. Нигде неподалёку его не было. Пришлось вызывать в памяти неприятные воспоминания, напрягать мозг, и создавать столб энергии искусственно. Это заняло не меньше пяти минут. Пяти драгоценных минут, каждая из которых уменьшала шанс профессора остаться в живых.

Окружающие деревья затрещали, на меня посыпались листья. С веток сорвалась стайка мелких птиц и в ужасе кинулась куда-то на север. Энергия вокруг меня уплотнилась, пришла в движение. Сердце защемило, во рту я почувствовал привкус железа. На душе внезапно стало горько. Но своего добился.

Поток эфира устремился вверх, я лёгким скольжением отделил сознание от физического тела, и тут же окунул в него руки. Призрачные ладони совсем по-настоящему зашипало, через несколько секунд вокруг них появилось свечение. Я обернулся к чешуйнику. Ящерицы на месте не оказалось, дно ручья покрывала муть. Ушёл. Вниз по течению, подальше от внезапно возникшего напора энергии. Я помчался за ним. Терять ценного зверя не входило в мои планы.

Догнал ящера я лишь через двести метров. Шустро бегают по дну это двоякодышащее чудовище. Скользнул эфирным телом прямо в середину ручья, приложил призрачные руки к открытым глазам твари, и с удовольствием увидел синие разряды молнии, разбегающиеся по воде вокруг её головы. Чешуйник замер.

Я стремительно вошёл в физическое тело, нелепо лежавшее далеко под деревом, и, как молодой рогач, не разбирая дороги помчался обратно. Убить чешуйника столь слабым разрядом я даже не рассчитывал. Хорошо, хоть оглушил. Надеюсь, времени хватит.

Подбежав, размотал верёвку, и закинул кошку, в надежде обмотать шею ящера. Увы, оказалось, что я ни разу не ковбой. Крюк кошки застрял в складках чешуйчатой кожи, верёвка свободно лежала на блестящей спине твари. Я дернул конец своего лассо, кошка соскочила, чешуйник открыл глаза и, как ни в чём не бывало, продолжил бегство вниз по течению.

Бегом сломя голову я его всё-таки обогнал, и бросил верёвку прямо перед ним. Так, на всякий случай, потому что похоже было, что добыча от меня почти ушла. Чешуйник сделал несколько шагов, и верёвка натянулась. Я дёрнул и почувствовал, как крюк впивается в кожу ящера. Зверь рванулся и чуть не свалил меня с ног. Я потянул. Земноводное мотнуло головой, и верёвка едва не вылетела у меня из рук.

Я привязал свободный конец к дереву, присел, и расслабился. Вовремя вспомнилось, как на Дону сомов ловили. Пусть теперь дёргается, пока из сил не выбьется.

Энергии чешуйника хватило ещё на целых три часа и всё это время мне пришлось просидеть в трансе, отслеживая и прогоняя местных хищников. Одного слишком настырного рогатого леопарда даже пристрелил. Тот никак не хотел внять голосу разума в моём лице и отойти в сторону.

Наконец, рывки хвостом и лапами в ручье стали гораздо слабее, и я рискнул вновь потянуть верёвку. Чешуйник рванул, чуть не выдёргивая конец из ладони, но было понятно, что этот рывок тварь совершила уже из последних сил.

Потом не меньше получаса ушло на то, чтобы вытащить упирающуюся тушу на берег. Веса в ящере было никак не меньше пятидесяти килограммов. Пока справился, взмок с головы до ног. И что обидно, ведь вот он, ручей. Казалось бы, нырни, обмойся. Но нельзя. Потому что, раз здесь водится чешуйник, это верный признак, что и пресноводный наездник тоже тут.

Я снял камуфляжную куртку, майку, достал полотенце, и тщательно обтёрся по пояс. Затем вынул свой старый нож разведчика, привезённый ещё из того мира. Нож этот отличался особенно удобной заточкой, его и делали в расчёте, что придётся обрезать зацепившиеся стропы, или убирать растяжки.

Всё это время чешуйник не сводил с меня круглых, коричневых глаз. Я раз десять пытался подобраться к его хвосту, и постоянно проклятый ящер дёргался, иногда сбивая меня с ног, или же резко отводя хвост далеко в сторону.

Наконец эта борьба вымотала и меня самого, и я тяжело плюхнулся под дерево. Отдохнув пару минут, достал Беретту, и недолго думая, выстрелил животному в голову. Пуля с визгом отрикошетила, сбив с дерева на другой стороне ручья ветку. Тварь отчаянно замотала головой, беззвучно открывая рот, как вытащенная из воды щука.

Я вошёл в транс и ткнул ящера пулей в глаз. Чешуйник задёргался так, что сорвался с крюка, совершенно невероятно для его телосложения подскочил, и ринулся обратно в ручей. Верёвка натянулась, раздался звон, и я едва успел увернуться от выскочившего из тела крюка.

Земноводное сделало десяток торопливых шагов, сунуло голову в воду, и замерло. В воде вокруг шеи медленно начало расплываться, сдвигаясь вниз по течению, тёмно-красное кровавое облако.

Я подождал ещё с полминуты. Никаких движений не происходило. Тогда, снова взяв нож, я попытался отрезать кончик хвоста. Он выделялся более светлым оттенком и полным отсутствием чешуи. Нож с трудом входил в толстую кожу животного. Казалось, будто я пытаюсь прорезать автомобильную покрышку. У меня ушло не меньше десяти минут на то, чтобы отделить часть хвоста с нужной железой. Наконец, дело было сделано, я зажал трофей в левой руке, правой, как смог, смотал верёвку, сунул нож в ножны, и побрёл назад, к мопеду. Сил не было.

***Новая Земля. Территория Американской Конфедерации.
Форт-Джесксон. 26 год, 4 месяц, 16 число. 26:00***

Доктора Эндрюс в больнице не оказалось. Обыскав все помещения, я встретил лишь сонную медсестру, которая чуть не кулаками вытолкала меня на улицу. Напрасно я объяснял, что принёс железу чешуйника для вакцины. По-моему, по-английски она понимала гораздо хуже меня.

Единственное, чего я смог добиться, адрес доктора.

– Мистер Стрин, это вы? – мисс Эндрюс в шёлковом халате, облегающем её выдающиеся формы, была великолепна.

Я кивнул, протягивая контейнер с кончиком хвоста.

– Что же вы стоите? Проходите немедленно. Вы наверняка устали. Никто ещё не мог добыть железу за один день.

– Так ведь профессор, – оправдывался я, не отрывая взгляд от распахнутого ворота халата. – Надо же быстрее.

– Всё равно без чашки крепкого тонизирующего чая я вас не отпущу, – она хитро улыбнулась.

Я скользнул в транс, и попробовал войти в резонанс с её вибрациями. Там были удивление, радость, и почему-то тоска. А поверх этого, медленно перекрывая остальные эмоции, расплывалось багровое облако желания.

Похоже, в гостиницу я сегодня не попаду, подумал я.

– Ну, где там ваш чай, мисс Эндрюс?

– Просто Рут, Геннадий.

– Тогда уж и меня зовите просто Гена.

Глава 3

Новая земля. Территория Ордена. Порто-Франко. 26 год 4 месяц 16 число. 18:40

Гостиница Юрабе понравилась. Маленькая, уютная, похожая на семейные отели в туристических территориях Японии. Хозяйка гостиницы, миссис Шпильке, была улыбочива и немногословна. Она передала гостю ключ, и молча исчезла за служебной дверью. Никаких тебе портье, никаких лифтов. Японец сам, в два приёма, занёс чемоданы в номер, принял душ, переоделся, и только тогда решил посмотреть, что за трофей достался ему после дорожного нападения.

В пакете были золотые украшения – две цепи и четыре кольца с крупными камнями. Пятьдесят экю мелкими пластиковыми купюрами и одна золотая монета в сто экю. В самом низу пакета лежало что-то бесформенное, завёрнутое в несколько слоёв в русскую газету.

Юраба, не торопясь, аккуратно развернул свёрток, и перед его взором предстал маленький чёрно-коричневый пистолет с пятиконечными звёздами на щёчках.

Раз звёзды, значит, скорее всего, русский. Тем более, буквы на обёртке русские, кириллица. Вряд ли американец или немец завернул бы своё оружие в русскую газету. Да и где бы он её достал, подумал Юраба.

Он несколько минут рассматривал так неожиданно попавшее к нему оружие, пытаясь понять, как его заряжают и как стрелять. Кнопки выброса обоймы не было. Предохранитель тоже не был похож ни на что виденное ранее – не кнопочный переключатель с маркировкой красным цветом, а металлический угловой переводчик, который с трудом удалось перещёлкнуть вверх-вниз. Юраба заглянул в ствол и удивился ещё сильнее. Такого мелкого калибра у пистолетов он ещё не встречал. В отверстие не лез даже мизинец.

Через некоторое время он наконец разобрался с обоймой – на нижней стороне рукоятки была примитивная пружина, которую следовало отвести назад, и тогда магазин сам выпадал наружу. Осмотрев его, японец удивился ещё сильнее. Пистолет заряжался не патронами. Это была игрушка – пневматическое оружие, стреляющее маленькими металлическими шариками.

Вот, почему патрульный не упаковал его в оружейную сумку, а просто завернул в бумагу, подумал Юраба. И что теперь с этой игрушкой делать? Только то же, что и с ювелирными изделиями – попытаться продать.

Мысль была здравая, и японец открыл путеводитель по городу. Оба оружейных магазина, и ювелирные лавки нашлись сразу же. Юраба решил не тянуть время, и сходить туда прямо сейчас.

Из пары оружейных магазинов он выбрал тот, что назывался «RA guns'n'ammo», справедливо рассудив, что с русским пистолетом, пусть и игрушечным, лучше идти туда, где торгуют вооружением Русской Армии.

Магазин был невелик, деревянная дверь мелодично звякнула привешенным сверху колокольчиком, и из-за стойки поднялся настоящий воин. Немолодой человек, с коротко стриженной седеющей головой и впечатляющим шрамом через щёку.

– Добрый день. Меня зовут Юраба Ринеру, – поклонился японец.

– Ксавье, – угрюмо буркнул продавец.

Юраба достал пистолет и заметил, как напрягся человек за стойкой, увидев оружие, принесённое не в опечатанной сумке, а просто так, в кармане пиджака.

– Опасности нет, – поспешил успокоить его японец. – Это игрушечный пистолет. Он стреляет шариками.

Привычным уже движением Юраба вынул обойму с баллоном и остатком дроби, и тренированным жестом крутнул пустое оружие на пальце. После чего положил его на стойку и спросил:

– Вы не подскажите, кому может понадобиться подобный пистолет?

– Даже не знаю, – Ксавье почесал кадык, ухватил огромной лапой игрушку так, что она почти скрылась в его ладони, как-то хитро отвёл в сторону скобу, и в момент снял затворную крышку.

Юраба смотрел, открыв рот. Ксавье заглянул в ствол на просвет, пощёлкал бойком, затем так же стремительно собрал пистолет, и двинул его по стойке в сторону японца.

– Имитация русского ПМ, причём не плохая. Похоже, используются оригинальные части. Годится только на то, чтобы пугать детишек по ночам. Вы привезли это со Старой Земли?

– Нет, – Юраба для пушей убедительности помотал головой. – По дороге с базы «Северная Америка» на меня напали трое в золотистом Порше. Двое вышли из машины, у них были русские охотничьи двустволки, а у одного ещё и этот пистолет.

– Хулиганы. Видимо, хотели вас запугать. Чем всё кончилось? – Ксавье с улыбкой подмигнул.

– Двоих я застрелил, а третий в машине сбежал. Потом приехал патруль, и передал мне пистолет в качестве трофея.

– Да вы стрелок! – глаза продавца смотрели куда более уважительно. – Из чего стреляли?

– На базе я купил Глок-17. Отличное оружие.

– Позвольте посмотреть? – Ксавье протянул руку.

– Я... – Юраба замялся. – Я оставил оружейную сумку в отеле. Мне казалось, что ношение оружия в этом городе запрещено.

– Вы абсолютно правы. Но опытные покупатели, когда идут в оружейный магазин, берут с собой опечатанную сумку. Пломбир у меня есть, а шанс подобрать что-либо для своего пистолета или винтовки очень велик. Сейчас я хотел предложить вам один из лучших пистолетов в мире. Поступил на Новую Землю только в прошлом году, а за ленточкой его закупают в США, несмотря на то, что производят в маленькой, богом забытой Хорватии.

Пока Ксавье произносил свой монолог, он как-то незаметно достал непонятно откуда небольшой пистолет с непривычно коротким, чуть выступающим за спусковую скобу, стволом, покрытый чёрным рифлёным пластиком. Продавец рассказывал, а руки его, казалось, независимо от тела, вынули непривычно толстую обойму, сняли затворную раму, отстегнули ствол...

– Это оружие отличает, во-первых, надёжность. Если ваш Глок любит только немецкие или американские патроны, а с остальными его запросто может заклинить, или произойти осечка, то этот красавец всеяден. В Хорватии хорошие заряды стоят дорого. Кроме того, четыре независимых предохранителя не позволят ему произвести выстрел без вашего желания.

Юраба как замороженный неотрывно смотрел на ловкие манипуляции, которые Ксавье проделывал с пистолетом. Казалось, он даже не слышал, о чём говорил продавец.

– ...а кроме того, он как раз подойдёт по размеру к вашей руке. Вот, попробуйте.

На этих словах японец дёрнулся, и протянул руку к уже вновь собранному оружию. Положил его на ладонь, взвесил...

– Да, меньше шестисот граммов, – прокомментировал продавец.

... обхватил ладонью, поднял на уровень глаза.

– Вы можете прицепить к нему лазерный целеуказатель, который будет подсвечивать точку попадания красным светом, или фонарь для стрельбы в тёмное время.

– Сколько вы за него хотите?

– Четыреста экю, если возьмёте ещё и лазерный целеуказатель.

– Скажите, Ксавье, а куда я могу деть вот это? – японец постучал пальцем по до сих пор лежащей на стойке игрушке.

– У вас есть дети?

Юраба отрицательно помотал головой и поцокал языком.

– Я готов забрать его у вас за десять эю. Приспособлю для тренировок в собственном тире.

– У вас есть свой тир?

– Да, конечно, на заднем дворе. Кстати, хотите попробовать свой HS2000?

Японец посмотрел на свою руку, которая до сих пор сжимала хорватский пистолет, и неуверенно кивнул.

– Тогда оплатите сто патронов, и идёмте, я всё вам покажу.

Ксавье приглашающе махнул рукой и скрылся в темноте служебного коридора. Юраба аккуратно обогнул стойку и двинулся за ним.

Через двадцать минут он уже вышел, держа в левой руке пластиковый кейс с новым пистолетом, а правой горячо пожимая руку продавцу.

– Юраба, – проникновенно говорил Ксавье. – Не знаю, как ты умудрился свалить двух бандитов, но настоятельно тебе рекомендую, сходи на стрельбище. Это рядом. Выйдешь за северные ворота, свернёшь налево, и надо пройти всего пятьсот метров. Тебе следует ставить руку. Она дрожит.

– Я сегодня же схожу, Ксавье-сан, – уверил его Ринеру. После того, как продавец показал ему мастер-класс по стрельбе, японец проникся к тому великим уважением.

*Меч, карающий в руке мастера
Будет бессилён и бесполезен,
В руке неопытного ребёнка.*

Мне следует много учиться, думал Юраба по пути в ювелирный магазин. И начать стоит прямо сейчас, пока не забылись приёмы, которые показал уважаемый Ксавье.

Ювелиром оказался неожиданно молодой, смешливый парень. Он, сверкая белозубой улыбкой, долго вертел драгоценности под лупой, а затем небрежно бросил их на стойку и заявил:

– Бижутерия. Три эю за всё.

Изумлению Юрабы не было предела. Он махнул рукой, и, не раздумывая, вышел из магазина, оставив на прилавке предательские украшения.

Ничего удивительного, решил он через несколько шагов. Видимо, эти трое лишь хотели казаться богатыми и опасными, а на деле ничего у них не было, кроме пары охотничьих ружей. Скорее всего, думал японец, третий потому и не вышел из машины, что был не вооружён. А как только запахло жареным, тут же сбежал.

До ворот Юраба дошёл за полчаса. Ещё раз уточнил дорогу на стрельбище, попросил снять с пистолетного кейса пломбу, и не спеша двинулся в нужную сторону, по пути то вставляя заряженную обойму в рукоять, то вынимая её. Пистолет при этом издавал солидный, оружейный щелчок. Ринеру с удовольствием вытаскивал и вставлял магазин, щёлкал предохранителем, взводил затвор, в общем, всячески изображал из себя опытного стрелка. Ему не терпелось научиться стрелять как Ксавье, тратя на прицеливание не полминуты, а секунду, и не задумываться над каждым следующим действием.

Не далее пятидесяти метров от нужного поворота сзади послышался натужный рёв мотора. Юраба обернулся и увидел несущийся прямо на него золотистый Порше. Он попытался шагнуть в сторону, но запнулся за камень и упал в кювет. В этот же момент послышался сдвоенный звук выстрела, по голове чиркнуло что-то горячее. Японец в падении перевернулся на спину и больно ударился о землю. Но смог собраться, поднять пистолет и сделать наугад несколько выстрелов. Взвизгнули тормоза, мотор несколько раз чихнул и заглох.

Над дорогой воцарилась тишина. Даже птицы, которые ещё минуту назад перекрикивались, комментируя каждый шаг японца, притихли в ожидании, чем кончится эта схватка.

Юраба осторожно высунул голову из травы и огляделся. В трёх метрах перед ним, задрав левое заднее колесо, как собака ногу над кустом, стоял, уткнувшись носом в кювет, золотистый Порше. Водительская дверь его была вся в дырах. Возле машины валялась такая же двустволка, как и те две, что японец получил от патруля.

Сам патруль не заставил себя ждать. Уже через минуту песочно-жёлтый Хамви остановился, не доехав до Юрабы каких-то пять метров.

– Рассказывай, – безапелляционно приказал старший, даже не выходя из машины.

– Я шёл на стрельбище. Сзади на большой скорости подъехал этот автомобиль, и в меня выстрелили. Я упал, а в падении произвёл несколько выстрелов в ответ. И вот, – Юраба виновато указал рукой на задранный бампер золотистой машины.

– Да, сержант, – заговорил вдруг водитель патрульного автомобиля. – Я сам слышал. Сначала прозвучал двойной ружейный залп, а пистолетные уже потом.

– Ты такой умный, Уолтер? – насмешливо спросил старший. – Думаешь, я глухой? Чтобы впредь не умничал, иди проверь автомобиль.

Водитель, кряхтя, слез со своего места, открыл заднюю дверь Порше, заглянул, затем открыл переднюю, на коленках забрался почти целиком внутрь и через минуту вылез, держа между пальцами пластиковую карточку.

– Виталий Волк, – прокричал он.

– Мне плевать на его имя, – пробурчал в ответ сержант и повернулся к японцу. – А тебя как зовут, стрелок?

– Юраба Ринеру, – с достоинством ответил тот, расправив плечи.

Сержант полистал планшет, ещё раз посмотрел на Порше, затем на гордо стоящего Юрабу, и заметил:

– За сегодня это уже второе нападение на тебя. Причём, нападают одни и те же люди. Я правильно понимаю, что его дружков ты уложил десять часов назад?

– Они напали на меня по пути с базы. С такими же винтовками – японец показал на лежащую в пыли двустволку.

– Это не винтовка. Это охотничье ружьё. Кстати, у тебя кровь на голове. В тебя попали?

– Похоже, что да, сэр.

Сержант вышел из машины, и встал возле японца, возвышаясь над ним на полторы головы.

– По всем правилам я должен оказать тебе первую помощь, но делать уже ничего не надо. Дробь чиркнула по коже и кровь давно остановилась. Ничего страшного. Но теперь, если вздумаешь отпустить волосы, у тебя всегда будет готовый пробор.

Он хохотнул, и тяжело забрался обратно на сиденье.

Подошёл водитель, сел на своё место и насмешливо сказал японцу:

– Кстати, если надеешься выгодно продать машину, то зря. Это не Порше. Это его китайская копия – Б35.

Он развернул Хамви обратно.

– Зайди в банк, – прокричал сержант, не вставая с места. – Я выписал тебе за этого недоумка тысячу экю премии.

Водитель нажал на сигнал, в очередной раз распугав птиц, машина взревела двигателем и запыхтела в сторону ворот.

***Новая Земля. Территория Американской Конфедерации.
Форт-Джексон. 26 год, 4 месяц, 17 число. 06:15***

Я не спеша вёл мопед по затихшему городу и размышлял. Вокруг стояла почти абсолютная тишина. Солнце только-только протягивало лучи над горизонтом, разгоняя предрассветную серость розовыми сполохами. Небо градиентом переходило от абсолютно чёрного цвета в смесь оранжевого, розового и белого.

Городок спал. Похоже, что и сторожевые собаки в этот час легли отдохнуть, потому что за весь путь я не слышал лая даже вдалеке. Несмотря на усталость после бессонной ночи, шёл пешком, ведя мопед за руль, потому что было бы кощунством нарушать мирную, патриархальную тишину грохотом мотора.

Я брёл к гостинице, вспоминая знойные ласки пышнотелой Рут Эндрюс. Судя по всему, случайные связи здесь не приветствовались, и, приди я на час или два раньше, вряд ли меня оставили бы на ночь. Да и тот факт, что под утро, зевая, доктор всё-таки выпроводила меня в гостиницу, тоже говорил о многом.

А для меня это была первая связь за полтора года. Первая женщина после смерти Жанны. До этой ночи я и глядеть боялся в сторону девушек, несмотря на их частое внимание. Всё время казалось, что стоит мне с кем-то связаться, и её постигнет такая же печальная участь.

Ещё полгода назад, в Русской Республике, лаборантка Андрея Александровича, кубинка Эмилия Родригес, несколько раз намекала мне, что ждёт приглашения на ужин, переходящий в завтрак. Но я усердно делал вид, что не замечаю знаков внимания. Тогда казалось, что общение с любой девушкой будет предательством по отношению к погибшей жене.

С этими мыслями я добрался до длинного одноэтажного здания гостиницы, как пошутил Семёнов, сельского типа, нашарил в кармане ключ, и вошёл в тёмный номер.

Сразу же в нос ударил запах свежей крови. Я включил свет, и увидел распластанную на кровати обнажённую девушку. Горло её было перерезано, кровь залила подушку и одеяло. Одежда комом лежала на полу, щёки несчастной были расцарапаны, грудь и шея в синяках. В деревянной стене, проткнув её тонкой длинной шпилькой, торчала лёгкая серебристая туфля.

Дыхание перехватило, я привалился к стенке, пытаюсь унять внезапно застучавшее сердце.

Через минуту, немного успокоившись, присел на корточки и обдумал положение.

Проституток в городке не водилось – нравы в Форт-Джексоне достаточно патриархальны. Кому нужна продажная любовь, едет за ней в Нью-Рино, благо всего двести километров. Значит, убитая – добропорядочная девушка.

Вещи! – вспомнил я. Мы с профессором оставили почти всё в эфиролёте, но кое-какие вещи всё-таки перенесли в гостиницу.

Сумка с одеждой стояла в шкафу нетронутая. Я огляделся, и тут же увидел мой складной нож, который использовал чтобы порезать хлеб и так далее. Он лежал на тумбочке разложенный, лезвие было в крови.

Кто-то всерьёз хочет меня подставить, пришёл я к единственно правильному выводу.

В этот момент с улицы послышались торопливые многочисленные шаги и громкие голоса. Я скользнул в транс и послушал окружающее пространство. К гостинице с обеих сторон приближались не меньше двух десятков мужчин. От всех них веяло злобой. Несомненно, у каждого с собой винтовка. И идут они не для того, чтобы пожелать мне доброго утра.

Первая пара уже подбежала к дверям номера. Я выглянул в окно. Среди деревьев мелькали в бледных ранних лучах солнца люди. Я насчитал пятерых. Выпрыгивать с этой стороны было поздно.

Перед дверью топтались уже не меньше десяти человек. По шторам гуляли три световых круга от фонарей.

– Эй, насильник, быстро верни Дженнифер, и тогда мы тебя просто застрелим! – раздалось снаружи.

– Сэр, я могу пальнуть в него через дверь, – кто-то нетерпеливо топал по общей веранде, сжимая винтовку.

– Не смей, Джулс, ты можешь задеть мою девочку.

Я понял, что влип по полной программе.

К окну приближались тени, пока им не было видно, что происходит внутри, но я был уверен, что за фонарём дело не станет.

Оставалось только попытаться спрятаться. Но куда? Лезть под кровать глупо. В маленьком совместном санузле не смог бы укрыться и таракан.

Стараясь не поднимать шума, я вскарабкался на шкаф. Как оказалось, вовремя. Сквозь окно по комнате забегал луч фонаря, через секунду раздался изумлённый вздох.

Я вошёл в транс, и постарался максимально слиться со стеной.

Согнул ноги и подтянул их к животу, сложил руки на груди, стараясь, чтобы ни один палец не выходил за пределы шкафа. Затем вошёл в резонанс с вибрациями трёхслойной деревянной стены, гардероба, сделанного из распиленного на тонкие доски ствола неизвестного мне дерева. Прочувствовал их колебания, постарался, чтобы и мои с ними совпали, и начал транслировать эти вибрации во всех доступных диапазонах.

Я даже закрыл глаза, хотя мог ощущать всех на несколько километров вокруг и не используя зрение.

– Мистер Сандерс, мистер Сандерс, – раздался молодой голос. – юноша, почти подросток, оббежал гостиницу кругом с тыла, и теперь приближался ко входу. К нему повернулся полный человек в полосатом пиджаке и широкополой шляпе.

– Что, Сэм, мальчик мой?

– Я её видел, мистер Сандерс.

– Как Дженнифер? С моей девочкой всё в порядке?

Юноша замялся, зачем-то повернулся на одной ноге, сделав полный круг, и, видимо, набравшись смелости, выпалил:

– Он её убил, мистер Сандерс!

На пару секунд воцарилась тишина, затем перед дверью раздался многоголосый дикий рёв.

В дверь заколотили множеством кулаков.

– Ломайте, ломайте! – не своим голосом заверещал мистер Сандерс.

Я, как только мог, вжался в стену, изо всех сил представляя себе, что меня здесь нет.

Раздался звон разбитого стекла, по полу забренчали осколки. По подоконнику нетерпеливо колотили прикладами винтовок.

В дверь монотонно лупили чем-то тяжёлым. Основательные деревянные филёнки честно сопротивлялись ещё с минуту, затем не выдержали натиска. Сама дверь осталась на месте, но средняя её часть разлетелась, в проём высунулась нога в тяжёлом ботинке.

Полминуты поёрзав, мужчина смог освободить конечность, и в дверь застучали снова. На этот раз треснувшее полотно не смогло сдержать атакующих, сломалось пополам, и в дверной проём ввалился толстый мужчина в камуфляже. Он несколько секунд лежал на животе, тяжело отфыркиваясь, а из-за его спины уже лезли остальные.

Окно с грохотом распахнулось, и в него, явно с чьей-то помощью, влетел невысокий худой молодой человек. Он с разгона ударил головой мистера Сандерса в бок, тот произвольно отступил назад, отдавив при этом чью-то ногу, и согнулся.

– Ой, – пискнул проскочивший в окно. – Извините, мистер Сандерс.

– Где он!?! – Сандерс бешено вертел головой, не обращая ни на что внимания.

Наконец, взгляд его упал на кровать. Он на секунду замер, затем без сил опустился на пол.

– Моя девочка, – бормотал Сандерс в мгновенно наступившей тишине. – Что этот поддонок с тобой сотворил?

Он причитал настолько жалобно, что затихли даже те, кто стоял на улице. Что говорить, если и я, не имея к произошедшему ни малейшего отношения, почувствовал стыд.

Постепенно в задних рядах нарастало ворчание. Слышались крики: «Убить поддонка!», «Смерть!».

Я настолько упорно старался раствориться в окружающем пространстве, что уже и сам верил, будто меня нет, а мужчины тем временем заглядывали в душ, под кровать, открывали шкаф...

– Сладкая моя! – Сандерс, плача, поднял дочь на руки, и понёс на улицу. Толпа расступалась перед ним.

Оставшиеся в номере перевернули кровать и зачем-то разбили её на части. Кто-нибудь время от времени заглядывал на шкаф, но меня, к счастью, не увидели.

– Сжечь здесь всё! – раздался чей-то взволнованный голос.

Ему повторили двое или трое в толпе, кто-то даже приготовил зажигалки, но тут вмешался хозяин гостиницы.

Это был немолодой жилистый негр, одетый в джинсы и майку без рукавов, и босой. Видимо, приближающаяся толпа выдержала его прямо из постели.

– Джентльмены! – гулким басом закричал он, пытаясь перекрыть шум всё увеличивающейся толпы. – Джентльмены! Я-то здесь причём? Пусть виноват постоялец, но отель-то мой. Не надо лишать меня единственного источника дохода, будьте благоразумны.

Его попытка удалась, зажигалки исчезли, разговоры о поджоге прекратились. Только один краснолицый худой мужчина средних лет ещё минуту покрутил в руках свою «Zippo», явно примеряясь, что бы такое подпалить, но поймав неодобрительные взгляды, суетливо достал из кармана сигару, и закурил.

Ой-й!!! – раздалось невдалеке, и в толпу, раздвигая её плечом, ворвалась средних лет женщина в длинной, до щиколоток юбке, и цветастом платке, наброшенном на плечи.

Её тут же подхватили под локти и попытались мягко выпроводить из комнаты.

– Сэди, иди домой, – слышалось отовсюду.

Но попытки были бесполезны. С утробными криками женщина ворвалась обратно в номер и замерла на пороге. После поисков в комнате царил разгром. На полу валялись куски изломанной кровати, от моей сумки осталась только ручка, остальное, видимо, вынесла толпа. У самого входа кучей было брошено окровавленное бельё.

Сэди со звериным рёвом вскинула руки к небу, два раза вскрикнула, потом глубоко вздохнула, и, глядя прямо на меня, прокричала:

– Чтоб ты горел в аду, убийца! Чтобы твои дети тоже горели в аду!

Меня передёрнуло. Неужели она заметила, подумал я.

К счастью, Сэди подхватила с пола разорванное толпой платье девушки и позволила вывести себя на улицу.

Толпа потихоньку начала рассасываться, и я совсем уже собирался слезать с чудом уцелевшего шкафа, когда снаружи раздался стук и в комнату ввалился молодой человек в клетчатой рубашке, клетчатых брюках и клетчатой кепке. В руках он, тяжело дыша, нёс штатив, и длиннофокусный фотоаппарат.

Хорошее дело, подумал я. Если меня не могут увидеть люди, то фотокамере зрение не обмануть. Он только начнёт наводить её на шкаф, как я окажусь у него на экране.

Я почувствовал приближающуюся панику. Уйти мне было некуда, вокруг номера, наверное, собрался весь город. Что делать, я не знал.

– Флостон! – раздалось снаружи. – Джеймс Флостон!

Репортёр прекратил устанавливать штатив, и выглянул наружу.

– Мистер Флостон, – послышался знакомый бас хозяина гостиницы. – Давайте я приведу номер в порядок, а потом вы его снимете. А то ведь получится отвратительная реклама моему отелю. Не дай бог, какой турист увидит эти снимки, и решит, что у меня всегда так. Или снимите соседний номер. Он точно такой же, богом клянусь.

– Но ведь... – пытался вставить свою реплику в монолог корреспондент.

Но хозяин отеля не замолкал.

В этот момент я обратил внимание, что в номере никого нет. Аккуратно спрыгнул со шкафа, стараясь не наступить на щепки от кровати, перешёл в душ, и, тяжело дыша, сел на унитаз. Что делать дальше, я не имел ни малейшего представления.

Глава 4

Новая Земля. Латинский союз. Горы Сьерра-Гранде. Посёлок Суэрте. 26 год, 4 месяц 16 число. 05:50

Посёлок Суэрте появился на месте лагеря золотоискателей и давно оброс инфраструктурой. Были здесь магазины, в которых можно купить всё, что угодно, от свежего хлеба, до прикроватного столика, автозаправка, куда раз в три месяца приезжал огромный бензовоз, швейное ателье, где не только могли поставить заплату или укоротить брюки, но и шили очень неплохие платья, сверяясь с ежемесячными каталогами от торгового дома Fissa. На единственную площадь Суэрте глядела пыльной витриной парикмахерская, которую почему-то все называли цирюльней. Глава посёлка, хоть и не считался ещё мэром, построил в самом центре большой двухэтажный дом с набатной колокольной, заранее отдав первый этаж под будущую администрацию.

Чуть меньшее здание принадлежало местному «Банко де оро». Он скупал золотой песок и самородки у десятка оставшихся старателей. Эти увлечённые трудяги до сих пор просеивали дно ранее золотоносной речушки Ауриферо, давшей когда-то начало искательскому лагерю. Суэрте был тихий и мирный посёлок, один из таких, в которых не принято запирать двери, и где каждый знал каждого из пары сотен его жителей.

Сейчас же почти всё население Суэрте отошло от золотого промысла, занявшись более насущными делами – разведением горных коз и овец, из шерсти которых выходил отличный трикотаж, сельским хозяйством, или обслуживанием соседей.

В этот ранний час посёлок спал, лишь пастухи, собрав по дворам призывно блеющие стада, не спеша конвоировали своих подопечных на горные пастбища.

Двадцать вооружённых человек неслышно вышли из-за деревьев, разом окружив Суэрте со всех сторон. Осторожно, чтобы не нарушить хрупкую утреннюю тишину, бандиты подошли к крайним домам. Старшие активно махали руками, подавая непонятные другим знаки. Вскрыли первую дверь, и в дом неслышно шмыгнули три тени. Стоящие у дверей замерли. Через минуту тройка вышла наружу.

Если бы кто-либо наблюдал за действиями вооружённой группы, он бы сильно удивился. Потому что вынесли из дома не деньги или ценности. На руках у одного из ворвавшихся, доверчиво положив голову на плечо и причмокивая губами, спала девочка лет пяти-шести. Человек с ребёнком на руках, стараясь не шуметь, отошёл к дороге. Тут же к нему подбежал второй, быстро сделал малышке укол, после чего бандит понёс ребёнка в чашу.

В остальных частях небольшого посёлка происходило то же самое, лишь кое-где время от времени слышались приглушённые хлопки пневматических пистолетов. Это нападавшие стреляли снотворным в немногочисленных проснувшихся родителей. За неполный час слаженная группа вынесла из домов два десятка детей до восьми лет, сделав при этом не больше десяти выстрелов.

Четыре группы сошлись с разных сторон на единственную площадь, перед жилищем главы. Здесь разрозненные отряды объединились. Командир приклеил на дверь центрального здания какую-то бумагу, после чего отряд так же тихо покинул населённый пункт. В самый большой в Суэрте дом бандиты заходить не стали.

Никто из нападавших не видел, как следом за удаляющимся отрядом двинулась незаметная в серой предраассветной мгле тень.

Новая Земля. Латинский союз. Горы Сьерра-Гранде. Научная база. 26 год, 4 месяц 16 число. 11:00

Профессор Джон Маверик, развалившись сидел в мягком кожаном кресле и пил кофе с молоком. Настроение было прекрасным. Теперь можно будет не только закончить предварительную серию опытов, но и приступить непосредственно к выполнению задачи, которой он посвятил столько лет жизни.

Несчастные крестьяне ещё будут целовать ему руки в благодарность, когда вчерашние беспомощные крошки вернутся домой не простыми детьми, которых нужно кормить, содержать, и ждать, пока вырастут. Их дети станут гораздо большим, чем простые люди.

Эволюцию не остановить, думал профессор. Человек, как биологический объект, уже исчерпал себя. Давно накоплено количество знаний и умений, достаточное, чтобы перейти в качество. И следующим шагом эволюции будет сверхчеловек. Существо с такими способностями, которые обычному обывателю невозможно даже вообразить. А сотворю его я, профессор Джон Маверик.

Правда, двадцать бойцов для такого великого плана – очень мало. Придётся совершить ещё пару набегов на небольшие посёлки и отдельно стоящие фермы. Но цель оправдывает средства, как сказал Никколо Макиавелли.

Опыты с добавлением в рацион подопытной группы этилового спирта прошли на ура. Этилен надёжно подавлял тенденцию личности к саморазрушению, просто выключая её в критические моменты. Единственной оставшейся проблемой была сложившаяся система жизненных приоритетов у взрослых особей. К сожалению, обнулить шкалу ценностей не мог даже спирт. А Джону Мавериду не нужна была армия бойцов со сверхспособностями, если те не преданы лично ему, своему создателю.

Ведь и человек до смерти предан сотворившему его богу. Так почему же те, кого творит он, Маверик, не хотят точно так же почитать собственного творца.

Но у особей старше десяти лет градация жизненных ценностей уже сформирована. И поменять что-то в ней практически невозможно. Решение в этом свете профессору виделось только одно – использовать ещё не созревший материал. Брать подопытных не старше девяти лет, с тем, чтобы, применяя наработки в суггестии совместно с воздействием этилена, формировать у объектов нужное мировоззрение и требуемые приоритеты.

Как удачно, что именно сегодня нанятая команда успешно завершила операцию по добыче исходного материала. Можно переходить от давно законченных теоретических изысканий к практическим опытам, а вскоре и к массовому производству.

Профессор отставил в сторону пустую чашку и снял трубку внутреннего телефона.

– Доктор Браун?

– Йа, – слышалось в трубке.

Доктор Йозеф Браун в своё время был очень перспективным выпускником Гейдельбергского университета, последователем самого Карла Бауэра, который, как известно, развивал наработки в области нейробиологии, начатые ещё во времена Третьего Рейха. Именно Браун, со своими материалами по суггестии, смог превратить это направление в великолепное подспорье деятельности лаборатории Джона Маверика.

– Йозеф, сегодня поступила первая партия исходного материала с необходимыми нам свойствами.

– Я уже в курсе, герр профессор.

– У вас всё готово?

– Йа, – Маверик отчётливо представил, как Браун кивает головой, сжимая тонкие губы в улыбке.

- Тогда я направляю к вам первую пару.
- Отлично, герр профессор. Что-то ещё?
- Нет, Йозеф. До связи.
- Видерзеен.

Новая Земля. Латинский союз. Горы Сьерра-Гранде. Научная база. 26 год, 4 месяц 16 число. 18:00

Витёк сидел на пригорке, за лабораторией и лениво потягивал самогон напополам с вишнёвым компотом, когда открылась дверь, через которую обычно выносили мусор. Техник быстро спрятал бутылку со спиртным во внутренний карман, и принял занятой вид.

Из заднего входа вышли двое охранников в чёрной форме. Они несли носилки, на которых массивной неподвижной тушей лежал Сергей Огромов. Витёк непроизвольно глотнул, и пригнулся, прячась за копну накошенной вчера травы. Охранники прошли в сторону горного склона, и через пару минут вернулись с пустыми носилками.

Витёк дождался, пока дверь за ними закроется, и кинулся к горе.

В той стороне находилась расселина, в которую уже год сбрасывали все отходы. Он остановился на краю и глянул вниз. Там, на мусорной куче, редко и тяжело дыша, лежал Серёга.

– Сергей Петрович, как же тебя так? – пробормотал Витёк.

Техник в три прыжка спустился, легко поднял тело товарища, так же не напрягаясь вылез обратно, и понёс бесчувственного Огромова на руках сквозь заросли, держась вдоль края расселины.

Примерно в это же время в заднюю дверь изнутри ударили настолько сильно, что трёхмиллиметровая сталь изогнулась. Раздался звук лопающегося железа – Буммм! – и вход распахнулся. Из него горохом высыпали четыре фигуры. Это были очень странные люди, которые передвигались на корточках, по-обезьяньи опираясь о землю обратной стороной ладоней.

Оказавшись снаружи, существа молча переглянулись, и гуськом направились к краю вырубленной вокруг здания территории. Первый подошёл к крайнему дереву, и вдруг без разбега и напряжения, одним махом подпрыгнул почти до верхушки, ухватившись руками за толстую ветку. Секунду раскачивался, и, крикнув что-то нечленораздельное, прыжками, перебирая ветви руками, понёсся на юг. Остальные двинулись за ним, так же прыгая по вершинам.

Витёк ничего этого не видел – он нёс тело товарища вдоль расселины. Через пятьсот метров над склоном возвышалась почти на десять метров одинокая каменная скала. Техник донёс свою ношу до крутого склона, и, так же держа тело Огромова перед собой, начал прыгать вверх по едва заметным выступам. Подняться удалось лишь до середины. Тогда Витёк рывком поднял бесчувственного Сергея на вытянутых руках, на секунду замер... и его предплечья стали медленно удлиняться, поднимая товарища всё выше и выше. Наконец, руки достигли ровной верхней площадки, Витёк как смог аккуратно опустил на неё Огромова, зацепился за торчащий там же камень, и рывком втянул себя наверх. Немного поболтал ногами в поисках опоры, и уже через секунду встал над лежащим Сергеем. Руки техника были вполне нормальной длины.

– Ничего, Сергей Петрович, ничего, – бормотал он, оглядываясь.

Вершина оказалась достаточно обжитой. В самом уютном месте лежало какое-то тряпьё, собранное в подобие постели, или, скорее, логова. На солнечной южной стороне торчал заботливо установленный столитровый огнетушитель с брагой, а за камнями прятался стальной чайник с приваренным к носику медным змеевиком, обмотанным вокруг толстой, заваренной с двух концов трубы.

Всё так же причитая, Витёк уложил слабо дышащего Огромова на тряпье, достал откуда-то поллитровую бутылку самогона, и, в несколько приёмов вылил содержимое в рот Сергея, каждый раз терпеливо дожидаясь, пока тот проглотит жидкость.

Как только бутылка опустела, тело больного начала сотрясать крупная дрожь, на лбу обильно выступил пот. Несколько минут Огромов катался по импровизированной постели, а Витёк старательно не позволял ему упасть на твёрдый камень. Неожиданно тело изогнулось дугой, и расслабилось. Над чащей леса раздался могучий, с задорным присвистом, храп.

Витёк тяжело опустился на камень.

– Ничё, Сергей, Петрович, – негромко сказал он, не обращая внимание на то, что собеседник его не слышит. – Теперь будем жить. Ты полежи пока. Я пойду, пожрать чего-нибудь принесу. А то ты ж с похмела голодный проснёшься.

Он гигантским прыжком перенёсся на ближайшее дерево и зацепился руками за ветку. Потом, удлинняя предплечья, опустился на землю, и не спеша побрёл в сторону лаборатории.

***Новая Земля. Территория Американской Конфедерации.
Форт-Джесксон. 26 год, 4 месяц, 18 число. 01:15***

Я с огромным удовольствием пил кофе и думал, какое же это счастье – после суток вынужденной игры в прятки помыться, побриться, и не спеша смаковать любимый напиток. Напротив меня сидела Рут Эндрюс и старательно рисовала на листке бумаги схему.

– В города заходить тебе нельзя, – поясняла она. – Информацию уже передали, и тебя арестуют в любом населённом пункте.

Я печально кивал головой, а она продолжала.

– Дойдешь до посёлка Суэрте. Это в предгорье. Но туда тебе тоже нельзя. Твоя цель – научная станция. Это закрытое учреждение, они не входят ни в чью юрисдикцию, так что там тебя не тронут.

– Рут, к чему эти сложности, – наконец высказал я мысль, из-за которой и пробрался ночью в дом доктора. – Ты же можешь сказать всем, что мы провели ночь вместе, и тогда подозрения с меня снимут.

– Не могу. Не будь эгоистичным. Ты завтра уедешь, а мне в этом городе ещё жить и работать. И какими глазами я буду глядеть на соседей?

– Поехали вместе. Будешь работать в другом городе.

– Гена, этот инцидент задел тебя. Но не сильно, потому что ты не местный. Тебе что? Пересидишь на научной станции, прилетит за тобой профессор Семёнов, и вы отправитесь дальше. А за это время здесь найдут убийцу. И всё, ты чист. А если я сейчас послушаю тебя, то разрушу свою жизнь сама. Придётся обустроиваться на новом месте, искать работу. Да и вещей у меня много. У вас только вертолёт, а как я перееду? Что люди скажут? Ты лучше послушай умную женщину.

Я послушал. Умная женщина советовала переждать грозу на закрытой научной станции, а она, когда Семёнов выздоровеет, отправит его за мной. Всё бы ничего, если не считать, что до станции почти тысяча километров. И это расстояние мне придётся пройти пешком, без продуктов и с минимумом вещей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.